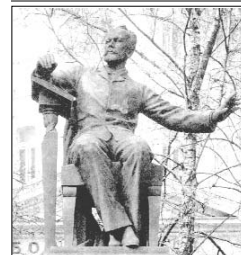

РОССИЙСКИЙ МУЗЫКАНТ

№7 (1254)

октябрь
2007

Выходит
с 1938 года

ГАЗЕТА МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ
ИМЕНИ П.И.ЧАЙКОВСКОГО

КОНКУРС ИМЕНИ П.И.ЧАЙКОВСКОГО. ПОСТСКРИПТУМ

Еще совсем недавно консерватория была центром притяжения музыкальной жизни Москвы. А теперь XIII Международный конкурс имени П.И.Чайковского, которого с нетерпением ждал весь музыкальный мир, стал историей. Оттремели последние аплодисменты, утихла страсти и дискуссии, бушевавшие на протяжении более чем двух недель. Участники разошлись по домам, а для лауреатов наступила новая жизнь, полная надежд и интересных встреч, и, конечно же, открылись необычные просторы для творчества.

После многочисленных дискуссий, вызванных итогами предыдущего, XII конкурса, перед музыкантами, оргкомитетом и Министерством культуры РФ встал вопрос о необходимости преобразования сложившейся системы, связанный с

попыткой восстановления былой репутации музыкального соревнования, уже давно ставшего символом культурной жизни столицы. Но потерять, как известно, легче, чем вновь обрести... И в свете сложившихся обстоятельств нынешний, 13-й марафон должен был стать своего рода «нитью Ариадны», которая вывела бы конкурс из лабиринта интриг и несправедливости, в котором он (как всем казалось) окончательно запутался.

Еще перед самым началом состязания министр культуры и массовых коммуникаций А.С.Соколов заявил: «Мы сделаем все необходимое для того, чтобы конкурс был максимально честным, справедливым». Н.А.Петров (председатель жюри у пианистов) говорил об «абсолютной демократии», которая должна царить среди членов жюри, и об «отсутствии всякого

рода прессинга и давления» со стороны председателя. В подобном ключе неоднократно высказывался и В.Т.Спиваков (председатель жюри у скрипачей).

От канувшего в Лету музыкального события ожидали и восстановления международного статуса, и объективности в работе жюри, и новых ярких имен, более высокого уровня организации и многого другого. Но прошедший конкурс (как и любой другой) принес не только радости, но и огорчения. Под час решения жюри звучали как жестокий приговор музыкантам. Разлосадованные меломаны (да и представители СМИ), не увидев в списках финалистов своих фаворитов, начинали как всегда винить жюри. Вновь попользились слухи о необъективности судейства. «Ну вот, опять как всегда! Нет правды на земле...» — эти слова фактически стали

лейтмотивом конкурса.

Уже сейчас есть ряд моментов, вызывающих вопросы и представляющих задуматься над качеством организации и объективностью судейства. Наибольшие промахи оргкомитета выпали на долю вокалистов. Отсутствие профессиональных переводчиков, недоступность Интернет-трансляции, тотальный авторитаризм председателя жюри — все это обострило и без того напряженную атмосферу как в кругу «независимых» музыкантов, так и среди членов жюри, многие из которых вряд ли согласятся вновь принять участие в подобном мероприятии через три года (как известно, следующий конкурс ожидается в 2010 году).

Теперь, по прошествии четырех месяцев, самое время оглянуться назад и спокойно, без лишней эмоций (которых в течение конкурса было предоста-

точно!) поразмышлять над тем, что же нового принес нам минувший музыкальный марафон. Корреспонденты «Российского музыканта» побеседовали с членами жюри всех музыкальных специальностей, представленных на конкурсе. В ноябрьском выпуске можно будет прочитать интервью с профессорами Н.Н.Шаховской, И.Монигетти и С.И.Кравченко.

В этом номере газеты мы публикуем интервью с председателем жюри по специальности «фортепиано» — народным артистом СССР профессором Н.А.Петровым и членом жюри по специальности «сольное пение» — народным артистом России, деканом вокального факультета, заведующим кафедрой сольного пения профессором П.И.Скуниченко.

Фото Э. А. Левина
(продолжение на с. 2)

КОНКУРС ИМЕНИ П.И.ЧАЙКОВСКОГО. ПОСТСКРИПТУМ

Народный артист СССР профессор Н.А.Петров

— Николай Арнольдович, поделитесь впечатлениями от прошедшего конкурса. Чем он Вас порадовал и чем огорчил?

— Самым отрадным для меня моментом, как для музыканта и педагога, оказался чрезвычайно высокий профессиональный уровень конкурсантов. И этих музыкантов было значительно больше, чем мог вместить лимит допущенных ко второму и третьему туру. Очень много было талантливых ребят, не прошедших даже во второй тур. Но тут мы, к сожалению, ничего поделать не могли. А огорчил меня прежде всего финал. Практически все музыканты, показавшие себя очень ярко в первом и во втором туре, в финале «сникли». Хотя все равно давно было понятно, кто лучше, а кто хуже. Но финал есть финал. Все ожидали эмоционального крещендо, кульминационной точки конкурса, а получили наоборот. Это, конечно, большой минус.

И еще один негативный момент: многие участники (не буду называть их фамилии) за год умудряются принять участие в пяти, а то и в семи конкурсах. Они разезжают по всему миру с одной и той же программой, что, безусловно, накладывает отпечаток на качество исполнения. Нельзя войти в одну реку дважды, а тем более трижды и четырежды! В исполнении пропадает свежесть, яркость. И конкурс из первой брачной ночи (*смеется*) превращается в рутину. Появляется штамповка, хотя достаточно высокого качества.

— «Тихий финал» и явился причиной неприятия первой премии?

— Да. Отсутствие финального «всплеска» и послужило причиной того, что мы не имеем абсолютного победителя, хотя лично я голосовал за первую премию. Но голоса сложились 8 к 7. Семь членов жюри проголосовали «за признание первой премии», а 8 — против. И что-либо изменить было нельзя, поскольку у нас (у пианистов) была абсолютная демократия. Это был мой принцип, который я озвучил, когда согласился возглавить жюри. Так что ни о каком прессинге или «нажмем» речи не было. Хотя, я повторю, Мирослав Култышев являлся безусловным лидером.

— Лидерство Култышева стало очевидным на втором туре?

— Да нет, он и на первом туре себя очень хорошо показал.

— Кого из конкурсантов, не прошедших в финал, Вы могли бы отметить?

— Таких музыкантов довольно много, и мне очень жаль, что судьба обошлась с ними так неприветливо. Во-первых, хочется отметить китайского пианиста Ван Цзюэ. Во-вторых — очень противоречивого, но талантливого музыканта из Австрии Инголь-

фа Вундера, хотя он, скорее всего, до финала не дошел бы. В-третьих, нельзя не сказать о великолепном юном пианисте из Новосибирска — Павле Колесникове. Несмотря на свой возраст (17 лет. — С.К.), он вполне сложившийся музыкант. У него еще все впереди! Кроме того, мне запомнилась Ирина Захаренкова из Эстонии. Она очень перспективная и талантливая пианистка со «своим лицом». Но на втором туре Ирина сама себя «убила» трактовкой восьмой сонаты Прокофьева. Это была такая тягостина, которую слушать было невозможно. И еще один пианист, о котором скоро все заговорят, — это Денис Евстихнин, выпускник Петербургской консерватории.

А самое главное, мне очень горько за Андрея Коробейникова (на фото).

— Каких качеств не хватило А.Коробейникову для того, чтобы оказаться в финале? Что ему помешало?

— Ему, конечно, не повезло. Но во многом он виноват сам. Андрей выбрал такую программу, которая идеально воспринималась бы в любом концерте, но в данном контексте она явно проигрывала. Играть на втором туре 24 прелюдии Шостаковича не совсем корректно. Если бы он выбрал хотя бы «Картинки с выставки» (которые, кстати, ни разу не прозвучали в этом году), то картина была бы совершенно иная. Хотя Коробейников — блестящий пианист, очень яркий и своеобразный. Он мог бы составить интересную конкуренцию в финале.

— На одной пресс-конференции В.Т.Сниваков сказал, что жюри скрипачей на 87% было объективным. Н.Н.Шаховская отказалась называть цифры, а И.П.Богачева вообще «не заметила» этот вопрос. Что Вы можете сказать о качестве судейства у пианистов?

— Прошедший конкурс меня порадовал честной и беспристрастной работой жюри. Я уже много говорил об этом, когда соглашался его возглавить. Но лишний раз убедился, насколько был прав, когда сказал о том, что в конкурсе не должны принимать участие ученики, а тем более дети членов жюри. Подобную практику следует изгонять из конкурсов вообще. Это принесло огромные неудобства виолончелистам. Там было 5 учеников и 2 сына членов жюри (5 учеников Н.Шаховской и сыновья Д.Вейса и В.Тонхи. — С.К.). И у пианистов тоже было немало учеников. Это вносит большую сумятицу, возможность для злоупотребления. Но подобных инцидентов у нас, к счастью, не было.

— Но ведь педагоги не имеют право голосовать за своих учеников?

— Вопрос не в том, могут они голосовать или нет, а в том, что

есть возможность проголосовать против других. И это не вполне корректно.

— В этом году у пианистов не было обязательного сочинения. Как Вы считаете, есть ли в нем необходимость?

— Я считаю, что обязательное произведение не нужно вообще. Многие музыканты удивлялись, почему нет обязательных этюдов и Баха. Все это было, но в отборочном туре. И я думаю, это правильно, ибо нет сомнений, что люди, играющие на конкурсе, профессионально оснащены. А техника проверяется, как правило, на произведениях Бетховена, Моцарта, Шуберта, где слышны каждая нота, каждый нюанс, каждый неточный штрих. И тут уж «ахиллесова пята» конкурсанта полностью обнажена.

— Что Вы могли бы пожелать музыкантам, не дошедшим до финала?

— Все музыканты, вставшие на путь исполнительства, прекрасно понимают, что дорога открыта далеко не розами. Это тернистый путь, во многом обманчивый. Но надо быть бойцом, идти до конца и не опускать руки. И, конечно, я всем желаю везения и улыбки фортуны. Без этого нам, музыкантам, нельзя!

— А Ваши напутствия лауреатам?

— Прежде всего расширять репертуар. Работать не только над профессиональным техническим совершенством, но и над глубиной своего музыкального мышления. Самое главное, чтобы молодые музыканты нашли «свое лицо», свой стиль, свое видение того или иного произведения. И ни в коем разе не останавливаться на достигнутом. Все только начинается...

На вопросы отвечает профессор П.И.Скусиченко.

— Петр Ильич, что Вы можете сказать по поводу финалистов?

— Во-первых, уровень конкурсантов был чрезвычайно высок. И, конечно, определить лучших было не так просто. Однако процесс «распределения» призовых мест меня во многом смутил. И смутил он прежде всего тем, что со стороны председателя жюри был нарушен устав конкурса, в котором черным по белому написано: «исключено повторное голосование».

На третьем туре А.Шагимуратова почти единогласно получила первую премию. А вторую разделили А.Викторова и О.Петрова, набравшие по пять голосов. Многие члены жюри, в том числе В.Лазулин и я, высказались в пользу разделения второй премии. Но Ирина Петровна сказала: «Премии делить не будем! Будем переголосовывать!». Мои попытки возразить против такого произвола встретили крайне жесткую реакцию со стороны уважаемой И.П.Богачевой. Именно таким образом были выбраны не только вторая, но и третья премии! И в результате А.Викторова оказалась лишь на четвертом месте.

— То есть И.П.Богачева, не скрывая, отстаивала свои интересы?

— Получается, что так. Со стороны председателя был ужасный прессинг. Все решения Богачевой высказывались таким тоном, что нам, членам жюри, было понятно: «Притворно обескураженно не поддежит».

На этом конкурсе никто из нас не имел право выступить и что-то сказать. Возразить прима-

Народный артист России профессор П.И.Скусиченко

донне вообще не представлялось возможным. Даже вне стен зала Чайковского, в «неофициальной» обстановке никаких обсуждений, никаких разговоров на тему конкурса с Ириной Петровной не было. Было только два слова, которые можно было произнести, — это «да» и «нет». Все остальные решения Богачева принимала единолично!

Более того, ей посоветовали не давать своей дочери диплом конкурса как лучшему концертмейстеру, поскольку это далеко не соответствует реальности. Многие другие концертмейстеры (к примеру, Ольга Козлова) были намного профессиональнее. Но, к сожалению, в результате мы получили то, что имеем. (Заметим, что сама И.П.Богачева от комментариев отказалась. — С.К.)

— А как обстояло дело с мужскими голосами?

— Здесь тоже не все гладко. Мне, например, непонятно, почему П.Толстенко (баритон) получил четвертую премию. На мой взгляд, это решение жюри более чем опрометчиво, так как были певцы значительно сильнее его. Среди конкурсантов выступал великолепный баритон из Китая — Ли Сунь, который не прошел на третий тур, а получил лишь приз «Надежда», хотя он явно должен был быть в числе лидеров. Этот певец великолепно справился со сложнейшей программой: спел блестяще не только с технической точки зрения, но и с музыкальной. Не обладая, может быть, таким «громкоподобным» голосом, как у Толстенко, в профессиональном плане он намного выше его.

А в отношении Максима Пастера я могу сказать только то, что он одареннейший человек и тонкий музыкант, но этот конкурс не для него. Пастер прекрасный камерный, а не оперный певец. Отсюда и неудачное финальное выступление, в котором он выглядел явно ниже своего уровня.

— А как получилось, что настоящие оперные тенора — Михаил Векуа и Чингис Аюшев — не были допущены к участию в конкурсе?

— Более того! Е.Щербаченко, единственная российская певица, которую М.Л.Ростропович отобрал на роль Наташи, когда ставил «Войну и мир», — тоже не прошла!

Это позор комиссии, которая работала во время отборочного тура. К подобному решению пришли И.П.Богачева, Л.Штанько и В.Левко, без лишних свидетелей прослушав все кассеты с записями конкурсантов. Меня, как члена жюри, на прослушивание пригласили крайне своеобразно: извещение о том, что оно состоится, мне положили в класный журнал, в который я заглядываю не так часто. Хотя в таких случаях принято звонить

и приглашать! Почему произошел подобный инцидент — непонятно. Прочтет ли это оргкомитет или умешленное замалчивание — теперь уже никто не узнает.

— Насколько я поняла, об объективности судейства, начиная с отборочного тура, говорить не приходится?

— Ну почему же? Я могу сказать, что около 70% решений жюри были объективными. Остальные просто не понимали языка.

— Как это??

— Очень просто. Мы привыкли, что на английском языке говорят все. Но это далеко не так. Среди членов жюри были представители Италии, Франции, которые не владеют английским языком. И оргкомитет, ЗНАЯ ОБ ЭТОЙ ПРОБЛЕМЕ, до самого окончания конкурса так и не предоставил нам переводчиков с французского и итальянского языков! Раньше нужный переводчик прикреплялся к каждому члену жюри, постоянно находясь рядом с ним. В этом же году такую «роскошь» посчитали излишней.

От переводчика с английского тоже было мало. Явно не имея музыкального образования, он зачастую просто не понимал, о чем идет речь. И ситуация полчас складывалась драматично. Представитель Франции — Серджио Сегаллини — оставил письмо, в котором выразил свое недовольство организацией. Он затронул там многие вещи, в том числе систему оценочных баллов, которую ему никто не удалось объяснить. Сегаллини сказал: «Если бы я знал, что в данной графе ставятся баллы, а не порядковые номера, то картина была бы совершенно иной».

— В этом году у вокалистов не было обязательных произведений. Нужны ли они?

— Когда я участвовал в конкурсе, то для каждого голоса было обязательное произведение. Для тенора, к примеру, есть удивительный романс Г.Свиридова «Есть такая песня у Солушвиля». Если тенор это произведение пел неудачно, то он не проходил на второй тур. Я считаю, что подобную традицию необходимо возобновить.

В этом году мы отмечали 100-летие со дня рождения Д.Д.Шостаковича, и я предложил ввести в качестве обязательного произведения арии из оперы, кантаты или оратории. Но как всегда произошло путаница, и организаторы напечатали в требованиях: «арии из оперы, кантаты, оратории или романс». А это, согласитесь, большая разница.

— География вокалистов была на этот раз достаточно узкой. Какое, на Ваш взгляд, будущее конкурса?

— Да, география участников разнообразнее не блистала. Немного обидно, что было очень мало представителей Франции, Беларуси, Польши. Не было певцов из Чехии, Италии, Австрии. И во всех специальностях доминировали гости из Китая и Южной Кореи. Но надо отдать им должное: если раньше они брали количеством, то теперь это музыканты высокого уровня, достойные уважения.

Несмотря на все сложности, которые сопровождали минувший конкурс, я уверен, что все будет в порядке. У конкурса большое будущее. Это великое музыкальное событие, которое уважали и продолжают уважать во всем мире.

Материал подготовила Светлана Костяова

К 100-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА Л.А.МАЗЕЛЯ

У Ч Е Н Ы Й , Э Р У Д И Т , М Ы С Л И Т Е Л Ь

Уходящий год отмечен знаковым для отечественной музыкально-теоретической мысли событием: 100-летием со дня рождения одного из выдающихся профессоров Московской консерватории века минувшего — Льва Абрамовича Мазеля.

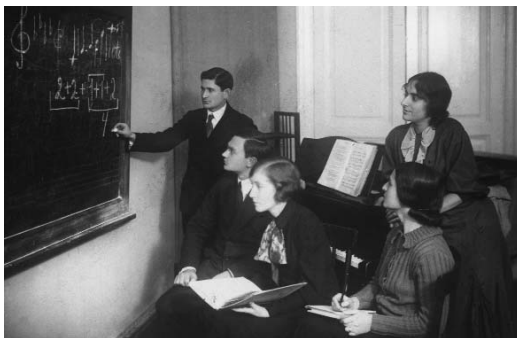
«Это был блестящий ученый, эрудит, мыслитель — недаром его называли *музыковедом №1*», — напишет о Л.А.Мазеле Евгений Владимирович Назайкинский в своем прощальном слове для нашей газеты (2000, №2). Сказанное всего лишь семь лет назад, в год кончины профессора Мазеля, — апробированный дистанцией времени взгляд другого авторитетного ученого-мыслителя.

Лев Абрамович прожил долгую жизнь — 93 года. Он родился за десять лет до октябрьского вихря и ушел из жизни уже в постсоветской России. И самые лучшие — молодые и зрелые годы его большой, насыщенной творческой жизни были связаны с Московской консерваторией.

В 1930 году Л.А.Мазель закончил сразу два вуза — математическое отделение физико-математического факультета МГУ и научно-исследовательское отделение научно-композиторского факультета Московской консерватории. А затем целиком посвятил себя музыковедению, поставив ему на службу свой математически отточенный и высоко организованный интеллект. Еще до окончания аспирантуры (1932, класс М. В. Иванова-Борецкого) Л.А.Мазель начал преподавать в Московской консерватории, в 32 года (1939) стал профессором, в 34

— доктором искусствоведения, в 1936–1941 гг. заведовал кафедрой теории музыки. Вплоть до выхода на пенсию профессор Мазель более трех десятилетий (1931–1967) был неразрывно связан с Московской консерваторией, за исключением нескольких лет, когда каток Системы проехался по нему вместе со многими другими выдающимися музыкантами. В результате кампании печально известного 1948 года вслед за Д.Д.Шостаковичем, В.Я.Шебалиным и другими крупными музыкантами он был уволен как апологет «формалистических» исканий композиторов. Затем безработного профессора пригласили на военный факультет, и после 1954 года, когда Л.А.Мазель вернулся в консерваторию, он любил на лекциях неожиданно иллюстрировать сказанное военными маршами, неизменно вызывая веселую реакцию «серьезной» музыковедческой аудитории.

Публичные выступления профессора Мазеля вообще были образцом совершенства. О лекциях Льва Абрамовича ходили легенды далеко за пределами Москвы, класс был часто полон сторонними слушателями, аспирантами всех мастей, «гостями» из других

Занятия в классе музыкальной формы у Л.А.Мазеля. Слева направо: Л.А.Мазель, В.В.Протопопов, Т.Н.Федорова, Г.А.Балтер, Н.Р.Котлер. 1930-е годы.

городов и просто интересующимися, среди которых нередко можно было видеть и исполнителей — профессоров и студентов. Но поражали не только лекции. Незабываемыми оказывались и неподготовленные выступления на защитах диссертаций, когда часть публики приходила специально «на Мазе-

ля». Не забуду и блестящее, полемическое по духу выступление Льва Абрамовича на Всесоюзной теоретической конференции в Союзе композиторов. Он умел держать внимание аудитории сочетанием железной логики, ясной подачи самых сложных идей, нередко в острой, ироничной форме, и риторического, даже актерского мастерства. Лекции по «Аналізу» и «Музыкально-теоретическим системам» тогда были всего лишь часовые, и за 50 минут занятия, благодаря абсолютно выстроенной, отточенной композиции, профессор достигал блестящего результата. Как сейчас помню на лекции по «Музыкально-теоретическим системам» сидящего рядом со мной аспиранта (в будущем — всемирно известного ученого-теоретика) с хронометром в руках, который шепнул мне: «через минуту — точка золотого сечения, кульминация лекции, слушай, что будет...». И действительно, последовал логический поворот, перевод разговора в юмористическую плоскость, резко подынявший воодушевление слушателей.

Лев Абрамович никогда не был замкнут в чисто музыкальном пространстве. Он мыслит широко, воспринимая и трактуя музы-

кальные процессы в контексте всей мировой культуры и науки, жизненного, исторического и художественного опыта человечества. На это указывает уже выборочный перечень названий его трудов (книг и статей) — «О мелодии», «О системе музыкальных средств и некоторых принципах художественного исполнительства произведений Шопена. Поэтому было особенно отраднo, что в начале концерта прозвучала музыка польского композитора. После краткого вступительного слова пианист исполнил ноктюрн соч.48 №2 фа-диез минор. Декан фортепианного факультета, ученица М.С.Воскресенского профессор Е.И.Кузнецова сыграла три мазурики из соч.17 — ми минор, ля-бемоль мажор и ля минор.

В исполнении руководителя кафедры клавишных инструментов и камерного ансамбля ФИСИИ, воспитанника М.С.Воскресенского доцента Ю.В.Мартынова прозвучала пьеса Шумана «Арабески». Еще один премник Михаила Сергеевича доцент С.Г.Иоанниди предложил вниманию слушателей два музыкальных момента Шуберта (№5 фа минор и №6 ля-бемоль мажор). Доцент А.В.Фомин очень вдохновенно исполнил 104-й и 123-й сонеты Петrarки Листа. Александр Васильевич учился у

многoлетнего ассистента Обoрина — Б.Я.Землянского, а после его безвременной кончины у Е.В.Малинина.

Профессор Л.А.Мазель с учениками. Сидят: аспиранты В.Холопова и Т.Курьшова. Стоят: студенты Э.Алексеев и Л.Иванова (Дьячкова). Май 1961 года.

многoлетнего ассистента Обoрина — Б.Я.Землянского, а после его безвременной кончины у Е.В.Малинина. Молодое поколение пианистов-педагогов представили ассистент Э.К.Вирсаладзе Я.Кацельсон, сыгравший две сонаты Скарлатти, и ассистент Е.И.Кузнецова С.Кузнецов, который выступил с пьесой Равеля «Лодка в океане». Далее в концерте прозвучало несколько произведений Дебюсси. Известно, что Обoрин высоко ценил музыку французского композитора и великолепно играл его сочинения. Ассистент М.С.Воскресенского А.С.Струков исполнил две прелюдии («Ундина» и «Фейерверк»), а профессор А.А.Мидолянц — две пьесы из цикла «Детский уголок» («Маленький пастушок» и «Кукольные кэк-юк»), а также «Румынские танцы» Бартока. А.А.Мидолянц учился у Б.М.Давидовича и А.Л.Иохелеса — последователей К.Н.Игуменова.

В 9 классе, слышавшем лекции многих выдающихся теоретиков Московской консерватории, в том числе и Л.А.Мазеля, со стен на студентов смотрят корифеи отечественной музыкально-теоретической школы, начиная с С.И.Танеева. Предшественники и современ-

ники, учителя, коллеги и ученики профессора Л.А.Мазеля. Его пока нет среди них, но хочется верить, что в год 100-летия он непременно займет там свое достойное место. Известный сборник «От Любли до наших дней», посвященный 60-летию Л.А.Мазеля, в котором от имени «друзей, товарищей, учеников» опубликованы статьи В.Конен, И.Лаврентьевой, А.Кандинского, В.Бобровского, В.Холоповой, Ю.Холопова, В.Цуккермана и других авторитетных ученых, предвзвешивают размышление Дмитрия Шостаковича, не утратившее за прошедшие годы своей актуальности: «Науке, возникающей вокруг искусства, науке, взявшей на себя нелегкую миссию истолкования художественного творчества, осмысления важнейших процессов, мы вправе предъявлять высокие требования, и главное из них — сохранение верности духу искусства, служение его лучшим заветам.

Мне кажется, что живой дух живого искусства всегда присутствует в трудах Л.А.Мазеля, сообразя им подлинную и непреходящую ценность».

Профессор Т.А.Курьшова Фотографии предоставлены Музеем имени Н.Г.Рубинштейна

Памятный вечер завершился выступлением народного артиста России профессора А.С.Сеиводова — последнего ученика Обoрина. В его исполнении прозвучали этюд Скрабина соч. 2 №1 до-диез минор и «Элегия» Рахманинова.

К сожалению, из-за болезни в концерте не смог выступить народный артист СССР профессор Н.А.Петров. В 1962 году он и М.С.Воскресенский участвовали в конкурсе Вана Клайберна в Техасе, где Л.Н.Обoрин был одним из членов жюри.

Камерная обстановка музея благотворно сказалась на общей атмосфере музыкального события — теплой и непринужденной. И хотя состав участников был очень разнообразным (от представителей «нового поколения» до «мэтров»), концерт получился интересным и цельным. Ведь его главная идея — преемственность поколений и сохранение традиций школы Обoрина.

Григорий Рымков

КОНЦЕРТ

ПОСВЯЩЕНИЕ ОБОРИНУ

Более 40 лет преподавал в Московской консерватории выдающийся музыкант прошлого столетия Лев Николаевич Обoрин. В 28 лет он получил звание профессора, а 9 лет спустя стал руководителем кафедры, которую ранее возглавлял его учитель К.Н.Игуменов. За годы работы в консерватории Обoрин создал свою собственную пианистическую школу, которая заняла прочные позиции в мировом фортепианном исполнительстве. Блестящая победа Льва Николаевича на Международном конкурсе пианистов имени Шопена в Варшаве (1927) показала всему миру, что новое поколение советских музыкантов имеет большие перспективы.

Традиции, заложенные Л.Н.Обoриным в отечественном пианизме, продолжают успешно развиваться и сегодня. Ярким

свидетельством тому является фестиваль, организованный консерваторией и посвященный 100-летию юбилею маэстро. 15 сентября состоялся первый концерт, в котором приняли участие педагоги кафедры народного артиста России профессора М.С.Воскресенского — ученики и последователи Обoрина. Организаторы не случайно решили провести концерт в Музее имени Н.Г.Рубинштейна. В этом зале стоит рояль, который ранее принадлежал К.Н.Игуменову, а позднее был передан в дар Московской консерватории.

Торжественный вечер открыл М.С.Воскресенский. Он учился в классе Льва Николаевича с 1953 года, а с 1959 по 1974 год работал его ассистентом. Многие знают, что Обoрин вошел в историю фортепианного искусства прежде всего как выдающийся

